

Ингрид Ельская

Амбивалентность.

P. S: Я научу тебя любить

УДК 82-312.4
ББК 84-4
Е57

Ельская И.

Е57 Амбивалентность Р. С: Я научу тебя любить / Ингрид Ельская. – М.: Литнет, 2026. – 466 с.

ISBN 978-5-521-99661-2

Она: круглая отличница, студентка лингвистического факультета, мечтающая выйти замуж за своего парня. Он: лидер преступной группировки, безжалостный убийца и тиран, за которого ей предстоит выйти замуж по требованию родителей.

У Камилы Липатовой было всё: любящие родители, парень, друзья. Но знакомство с Назаром Волковым, который захотел эту девочку себе в жены, перевернуло всю привычную жизнь. Сразу после свадьбы родители девушки жестоко убивают, а на саму Ками объявлена охота.

Р. С: Что делать, если рядом тот, кого ты ненавидишь, но только он может научить выживать в этом суровом мире?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99661-2

© Литнет, 2026
© Ельская И., 2026

Глава 1

– Камила, перекусывать на бегу вредно, – мама отобрала у меня бутерброд и кивнула в сторону стола, – поешь нормально, потом пойдешь со своими друзьями.

Поняв, что так просто от меня не отстанут, я покорно села за стол и взяла ложку.

– В правую руку, Ками, – моментально поправил отец.

– И за кончик ручки, а не за середину, – отозвалась я и принялась за суп.

Я нормально реагировала на подобного рода замечания. В нашей семье не принято перекусывать на ходу, а этикет за столом – превыше всего. Родители считали, что девушка не должна материться, курить, пить и носить откровенные наряды. Благодаря тотальному контролю со стороны отца, в свои восемнадцать я росла слишком правильной: если и ругалась, то исключительно на эльфийском, закончила школу с золотой медалью и поступила в университет на лингвистический факультет.

Единственное, что мне не запрещали – это занятия легкой атлетикой и пробежки по утрам. Наоборот, родители считали, что спорт намного лучше алкоголя и плохой компании. Чтобы оградить меня от последнего, мой круг общения тщательно контролировали. Встречаться с парнями было запрещено.

От слова совсем.

Еще в четырнадцать родители сказали, что нашли человека, за которого я должна буду выйти замуж в восемнадцать. Мне не говорили, кто этот мужчина, но порой в моей голове проскальзывала мысль, что они так шутят – пытаются предотвратить раннюю беременность. Но на всякий случай я делала вид, что вся моя жизнь проходит только в вузе, в компании лучшей подруги Алисы.

– Красивая ты все-таки, Ками, – когда я уже причесывалась перед зеркалом, ко мне подошла мама, – и очень похожа на меня в молодости.

Действительно, мы были почти неотличимы: серые, как сталь, миндалевидные глаза, изящный носик без намека на горбинку и красивые пухлые губы. Фигура мне тоже досталась мамина: стройная, с аккуратными формами. Мы даже красились в один и тот же пепельный цвет. Многие называли нас сестрами, чем безумно радовали маму.

– Мам, ну ты как скажешь, – я поцеловала ее в щеку и сразу затерла след от блеска на коже, – ты у меня еще очень молодая. Нас же с тобой сестрами считают!

– Подлиза!

– Ничего подобного! Всего лишь говорю правду, – с этими словами я выскочила на улицу, где меня уже ждали друзья.

Наступил июль, и все студенты могли наконец выдохнуть и расслабиться. Сессия была позади, как и второй курс университета. Пользуясь предоставленной возможностью, мы вместе с Алисой, ее парнем Глебом и еще одним другом – Ильясом – собрались на заброшенной стройке, чтобы пополнить портфолио новыми кадрами. Фотография была моим увлечением. Грех не любить щелкать камерой, когда твоя подруга – хорошая модель. Мы частенько экспериментировали с локациями и образами, после чего я полночи сидела за монитором, ретушируя снимки.

Вот и сейчас мы собрались вчетвером, чтобы воплотить новую задумку. Звездой кадров была Алиса со своим парнем Глебом. Они изображали влюбленную парочку на мотоцикле. Хотя специально играть на камеру было не нужно: между этими двумя, казалось, вспыхивали искры, а силе чувств позавидовал бы любой писатель романов. Страсть, нежность, душещипательные ссоры и интриги – такими были их отношения. Я уже со счета сбилась, пытаясь вспомнить, сколько раз друзья расставались и скольким парням Глеб из-за ревности разбивал лица.

– Глеб, погладь Лису по волосам. Да, вот так! – я прицелилась и в предвкушении прикусила губу.

Вот это кадр получился! Ребята отлично смотрелись: парень с девушкой сидели на мотоцикле лицом друг к другу, Глеб гладил ее золотистые кудрявые волосы, любовался сапфировыми глазами и искренней улыбкой. А Алиса светилась от счастья, потому что любила этого плохого парня.

Сдерживаемая страсть в милом снимке.

Глеб тоже неплохо смотрелся в кадре благодаря своей внешности: подкачанный, широкоплечий, со светлыми волосами, которые он по привычке зачесывал назад и постоянно поправлял. Карие глаза всегда пускали чертиков, а улыбка завораживала ювелирно заточенными клыками. Харизмы парню было не занимать. Я любила делать с ним мужские портреты. А он терпеливо позировал, отпуская язвительные шутки в своем стиле.

Через полчаса съемок камера внезапно решила, что с нее хватит, и начала портить фотографии.

– Что-то не так? – заметив, что я перестала снимать, ко мне подошел Ильяс и заглянул в дисплей.

– Что-то у меня не снимает, не пойму. Можешь посмотреть? – протянула ему фотоаппарат, показывая неудачные кадры. – Алис, Глеб, перерыв пока что.

– Слушай, Ильяс, – обратился Глеб к другу, наблюдая за тем, как тот помогал мне разобраться с фотиком, – ты бы женился на Камиле?

В его глазах играла насмешка. Глеб постоянно подтрунивал над всеми, вот и сейчас в очередной раз задумал какое-то дурачество и ждал, пока товарищ присоединится к его игре.

– Я не буду отвечать на этот вопрос, – отозвался Ильяс, даже не смотря в мою сторону.

– Это еще почему? – продолжал приставать Глеб.

– Потому что в любом случае я буду виноват, – улыбнулся парень и на этот раз краем глаза покосился на меня. – Если сейчас скажу «да», то она начнет наезжать, типа, я в ней не только подругу вижу, как ты можешь... А если скажу, что не женюсь, будет что-нибудь из серии «значит, я такая стремная». Поэтому лучше промолчу.

– Вот ты трус! – Глеб толкнул приятеля в бок. – Я вот могу ответить: на Камилке бы ни за что не женился. Мне такие, как она, не нравятся.

Выпалив эту фразу, он с любопытством заглянул в фотоаппарат и вернулся к Алисе. Отойдя на безопасное расстояние, наградил меня снисходительным взглядом.

Я выразительно посмотрела на Глеба и поджала губы, после чего подошла и, приобняв его, ласково заговорила:

– Глебушка, да все мы знаем, что я очень сильно тебе нравлюсь. Но ты просто понимаешь, что тебе ничего не светит, поэтому пытаешься реабилитироваться. Я даже не обижаюсь.

– Ты что несешь, женщина? – отстранился он. – Не нравишься ты мне!

– И я тебя люблю, Глебушка, но только как друга, – с этими словами я поцеловала его в щеку и добавила: – Ты сильно не расстраивайся. Тем более у тебя Алиса есть.

Алиска ущипнула своего парня, а Ильяс только покачал головой, улыбаясь. Глеб недовольно нахмурился и сменил тему. Такие стычки были для нас привычными. Мы вечно ругались, но в случае необходимости моментально приходили друг другу на помощь. Не забывая о том, что подколоть товарища – это святое.

Ильяс вернул камеру, пояснив, что нужно немного поколдовать с кнопкой пуска. И фотосессия продолжилась – почти до наступления темноты. Лишь когда небо заволокло тучами, все стали расходиться.

– Камил, ты сейчас домой? – поинтересовалась Алиса, собирая волосы в хвост, прежде чем надеть мотоциклетный шлем.

– Да, провожать меня не нужно, – я торопливо попрощалась с ребятами и направилась в сторону своей улицы.

Я действительно пошла по направлению к дому, но перед самым поворотом к своей улице свернула, оказавшись возле заброшенного здания. Оглядевшись по сторонам и убедившись в том, что никто не меня видел, села на лавку.

Здесь редко кто-то бывал: заброшенная постройка находилась в самом конце улицы, и дорога заканчивалась бетонным забором, за которым располагалась оптовая база. Поэтому я могла спокойно наслаждаться листанием ленты соцсетей, ожидая своего любимого. Мы всегда встречались здесь, вдали от любопытных глаз.

– Девушка, а вам не страшно тут сидеть одной, когда на улице уже смеркается? – за спиной раздался строгий голос с поддельным кавказским акцентом, и в следующий момент нежные руки коснулись моих плеч.

– Не страшно, у меня есть молодой человек, который любому за меня пасть порвет, – улыбаясь, ответила, на ощупь ища любимые губы.

– Прямо-таки любому?

– А ты хочешь проверить?

– Поверю на слово, – на губы обрушился жадный поцелуй, после чего парень перепрыгнул через скамейку и подхватил меня на руки.

– Ильяс, ты же меня уронишь сейчас! – я взвизгнула и прижалась к нему.

– Тебя? Ни за что, ты же знаешь, – парень говорил без тени улыбки, и я ему верила. Порой он был слишком серьезным, но зато на него всегда можно было положиться.

Ильяс снова припал к моим губам, продолжая кружить на руках. Когда он был рядом, я таяла от его прикосновений, подобно мороженому под лучами палящего солнца, и терялась во времени.

– Я люблю тебя, – прошептала, сильнее прижимаясь к нему.

– И я тебя люблю, – улыбнулся Ильяс, и на его щеках снова появились ямочки, которые мне так нравились.

– Угу, только когда мы наконец сможем рассказать всем про наши отношения, а не скрываться по углам, – с грустной улыбкой пробормотала я себе под нос. Снова затронув болезненную для обоих тему.

– Мышонок, не грусти, – Ильяс погладил меня по щеке, присаживаясь на лавку. – Через месяц попробуем мирным путем договориться с твоими родителями. Если не получится, уедем в другой город.

Он всегда называл меня Мышонком. Говорил, что я такая же маленькая, беззащитная, жутко любопытная и очень милая.

– Скорее бы уже. Я устала жить в страхе, что отец все узнает и оторвет нам головы.

– Все будет хорошо. Ты мне веришь?

Я кивнула и обвила шею Ильясa руками, наслаждаясь тем, что сейчас мы можем быть вдвоем и нам никто не мешает. Мы встречались уже почти год тайно ото всех, и рядом с ним я чувствовала себя самой счастливой и любимой. Парень дарил мне крылья и ощущение невесомости. Единственное, что по-настоящему растреивало – это секретность наших отношений.

Для всех мы были просто друзьями. Даже Алиса с Глебом не догадывались о том, что между нами что-то происходит. Мы с Ильясом дружили с самого детства, но ровно до момента, пока парень не вернулся из армии. Увидев его в дембельской форме, подкачанного и возмужавшего, я поняла, что пропала. И он тоже. Наша компания устроила в честь возвращения друга небольшое торжество, и все время Ильяс не сводил с меня взгляда карих, практически черных глаз. А меня жутко раздражала Амина, которая весь вечер висела на его шее. Алиса говорила, что это девушка Ильясa и у них все серьезно, но прежде я ее никогда не видела.

Под конец мероприятия мы с Ильясом, не сговариваясь, встретились на теперешнем нашем любимом месте – на пристани – и впервые поцеловались. Это был самый первый и волшебный поцелуй в моей жизни. Раньше я не рисковала подпускать к себе парней, беспрекословно подчиняясь требованиям отца.

Но с Ильясом все было иначе. Я сходила по нему с ума и страдала при каждом расставании, пусть даже на несколько часов. Меня безудержно влекло к нему, он был наркотиком, которого всегда мало. В шутку я называла его своим личным сортом героина и верила, что наши чувства не померкнут ни перед какими преградами и трудностями.

Я пыталась намекнуть родителям о своих отношениях, но мать сразу сказала, что у них есть для моей персоны более выгодная партия, и, если я не хочу создавать парню проблем, стоит сделать вид, что этого разговора не было. А Ильяс – простой военный, бывший детдомовец. Он по умолчанию не из «нашего круга».

И я молчала.

Молчала, потому что знала: мои родители могли доставить Ильясу ворох проблем. Я росла в весьма обеспеченной семье, которая владела сетью модельных агентств. Но это было прикрытием для окружающих. На самом деле основной доход приносила деятельность отца, которая не входила в число законных. Я никогда не вникала в подробности, потому что боялась узнать, чем на самом деле занимаются родители. Зато одно понимала точно: я очень сильно люблю отца и мать, но хочу иную жизнь. Поэтому дала себе слово, что буду с Ильясом, даже если придется уехать. Сбежать не только из города, но и из страны.

Сейчас приходилось держать рот на замке, потому что отец по щелчку пальцев мог отправить меня за границу, а моего любимого – стереть с лица земли.

Голову снова заполнили грустные мысли, и по дороге домой я молчала. Ильяс тоже не говорил ни слова, потому что его не устраивало встречаться тайно. Он не привык прятаться, кого-то бояться. И не опасался даже моих родителей, но однажды пообещал, что подождет. А слово Ильяс всегда держал.

– Жду тебя завтра на стрельбище, – прошептал мне любимый на ухо, когда мы дошли до дома.

– Хорошо, – кивнула я и скрылась за высоким железным забором.

Глава 2

На следующий день после пробежки мы встретились с Ильясом на условленном месте.

Несмотря на мнение мамы о том, что ее дочь должна быть девочкой-девочкой, я давно мечтала научиться стрелять. Ильяс согласился помочь и привел меня на так называемое стрельбище, где они с Глебом тренировались. По факту это был обычный пустырь, расположенный в отдалении от людей и шума дороги.

Когда мы пришли на место, Ильяс смерил меня оценивающим взглядом:

– Я все равно не понимаю, зачем тебе нужно стрелять? Это же не женское дело. Может, лучше подарить тебе фоторужье?

– Не могу объяснить, меня просто тянет, – я пожала плечами, потупив глаза.

Ответа на этот вопрос не было. Я не раз размышляла над ним, но внятной причины своему желанию найти не смогла. Возможно, корни его тянулись из детства. Мне часто приходилось наблюдать за тем, как отец демонстрирует оружие приезжающим к нему людям. В такие моменты выходить из комнаты запрещалось, но я все равно умудрялась незаметно проскользнуть на цокольный этаж и завороченно следить за процессом. А потом, когда все ложились спать, пробиралась в запрещенную «кладовку» и любовалась оружием вблизи. Мне доставляло удовольствие касаться холодного металла, чувствовать его тяжесть в своих маленьких ладошках. Озвучивать заинтересованность отцу я не стала, он бы все равно не понял. Поэтому моя страсть оставалась тайной до того момента, пока не выяснилось, что у Ильяса есть пистолет.

– Признавайся, ты хочешь стать киллером? – парень вернул меня из воспоминаний и теперь ждал ответа, вопросительно изогнув брови.